

М. И. Козьякова³

МИГРАЦИЯ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: В ОЖИДАНИИ ДИАЛОГА

Глобализация, информатизация, модернизация — важнейшие тенденции, характеризующие современную стадию общественного развития. Новейшие тренды глобализирующегося мира несут в себе как позитивный заряд, способствуя решению насущных проблем, так и негативный, чреватый возникновением новых рисков, поляризацией и конфронтацией в отдельных сегментах общественных структур. Массовые миграции

являются знаком последних десятилетий, развиваясь под влиянием глобализационных тенденций. Их провоцируют высокий уровень жизни в США и в Европе, относительная безопасность и стабильность социальной ситуации. Зона благополучия Североатлантического региона служит заветной целью мигрантов из слаборазвитых областей. С точки зрения рынка бесспорна экономическая и социальная рентабельность использования дешевой рабочей силы: даже не имевшие квалификации, не владевшие языком страны-реципиента мигранты находили свободные места на тяжелых, грязных, непрестижных работах в промышленности, строительстве, сфере услуг. К трудовой добавлялась гуманитарная миграция. Миграционные волны формировались под влиянием локальных войн, революций, социальных и природных катаклизмов. Последний пример в этом ряду — так называемая «арабская весна». Не избежала миграционных проблем и Россия: идя по пути развития рынка, она экспортировала свои квалифицированные

³ Профессор кафедры философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина, доктор философских наук, кандидат экономических наук. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч. монографий «Эстетика повседневности», «История. Культура. Повседневность»; статей «Повседневность и ее роль в культурных трансформациях эпохи», «Постмодерн и повседневность», «Культура и миф: прощание с модерном», «Глобализация: уроки истории (формирование европейской модели “универсального образа жизни”）」 и др.

кадры и одновременно открывала двери для трудовых мигрантов из СНГ.

В этом контексте особую значимость приобретают идеи культурного диалога, основанного на принципах равноправия, взаимного уважения, учета интересов участников диалога. Отвечают ли этим принципам теория и практика мультикультурализма, рассматривавшегося вплоть до недавнего времени как одно из достижений западной цивилизации, свидетельство торжества свободы и демократии в решении национальных проблем?

Действительно, равный статус культур различного типа, их мирное соседство на одном территориальном и социальном пространстве, свобода культурных проявлений этнической, религиозной, бытовой самобытности первоначально давали надежду на некий кардинальный консенсус в решении проблем межкультурного взаимодействия. Новая модель культурной коммуникации противостояла широко распространенной в прошлом практике территориального разделения доминантных и миноритарных культур, выражавшихся в наличии разнообразных резерваций, гетто, национальных кварталов и тому подобных образований. В то же время она являлась альтернативой ассимиляции, якобы инспирирующей монокультурное развитие, что с точки зрения неолиберализма воспринималось как дискриминационный атрибут прошлого.

Оказавшись в мейнстриме миграционных потоков, население европейских стран с известными опасениями воспринимало рецидив «великого переселения народов». Тем не менее в соответствии с концептуальной установкой на тотальную демократизацию и обеспечение прав человека, в том числе прав разнообразных меньшинств, ставка делалась на активное проведение политики мультикультурализма. Предполагалось, что государству достаточно предоставить равные права для совместного проживания представителей различных этнических и религиозных общностей, а взаимопонимание, толерантность, умение контактировать разовьются стихийно. Свобода культурной динамики компенсирует экономическое неравенство, главное — создать условия для богатства и разнообразия культурных манифестаций по принципу «пусть расцветают все цветы».

Мультикультурализм, однако, таил в себе культурологическую ловушку: по мере расширения и углубления данной практики европейцы стали все чаще сталкиваться с ее негативными последствиями. Цветник не получился, более того, совместное проживание различных этнокультурных общностей, взаимодействие коренного населения с иммигрантскими общинами развивалось по типу «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон), напоминая «Воронью слободку» из известного романа И. Ильфа и Е. Петрова.

Приехав в Европу и закрепившись на новом месте (получив или не получив работу), выходцы из стран Азии и Африки превращались из «гостей» — как политкорректно интерпретирует трудовую миграцию термин «гастарбайтер» — в постоянно проживающее в данной местности население. Вместе с ними распространились иные, неевропейские ценности и стереотипы

поведения, нормы архаичного обихода и правила религиозных обрядов. Утверждая привычные порядки родного клана, джуса, тейпа, иммигранты воспроизводили знакомую матрицу повседневности. Вновь прибывшие активно осваивали новые территории, отнюдь не спеша знакомиться с культурой их коренных обитателей. Аборигены, то есть европейцы, с их культурным багажом оказались не нужны молодому и энергичному миграционному интернационалу. Его интересовала возможность жить «здесь и сейчас», пользоваться сегодняшними плодами цивилизации, так сказать, «физика» функционирования социума, а не «лирика» культурной традиции.

Дело не ограничилось взаимной индифферентностью. Повседневные практики оказались самым строгим экзаменом на толерантность: при всей любви к жареному мясу процедура публичного заклания барана на соседней улице не могла вызывать одобрения европейца, способствовать улучшению взаимоотношений. Хроническое непонимание и неуважение случайного соседства вели к изоляции этнических диаспор, консервации архаических норм и обычаев, агрессивному утверждению собственных групповых интересов. Во многих случаях это приводило к различным эксцессам, в том числе уголовного характера. Они могли приобретать форму погромов и бесчинств, наблюдавшихся в европейских столицах, или же протекать имплицитно, как акты вандализма по отношению к коренным жителям данной местности, когда «перед грабежом проверяют фамилию на почтовом ящике».

Раздробленный на отдельные сегменты, фрагментированный социум постепенно терял способность к размеренному, упорядоченному функционированию на основе отлаженного автоматизма культурной саморегуляции. Система стала давать непредсказуемые сбои, нуждаясь для своего поддержания в жестких методах внешнего, так сказать, «ручного», а точнее — «полицейского» регулирования. Так бывшая колониальная периферия начала процесс «реколонизации» Старого Света, своеобразный “Drang nach Westen”, тем самым дав ответ на вызов глобализма. Практика мультикультурализма оказалась несостоятельной, свидетельствуя о крахе либерализма, вступлении мира в эпоху «после либерализма» (И. Валлерстайн). Ее несостоятельность признают главы крупнейших европейских государств: А. Меркель, Н. Саркози, Д. Камерон.

Каковы выводы, есть ли альтернатива мультикультуралистской модели? По-видимому, решение может быть найдено на путях синтеза современности и исторического опыта. Гражданское общество, являясь результатом длительного исторического развития, требует от своих агентов определенной социализации: во-первых, знания «правил игры», во-вторых, умения их использовать. Усвоение необходимых кондиций локальной специфики (по крайней мере знакомство с ними) должно входить, как нам кажется, в стандарт иммиграционных требований, предполагать ту или иную степень ассимиляции. Либеральные подозрения, лежащие на ней из-за ее якобы унифицирующего эффекта, представляются скорее идеологическим миражом, чем реальностью. Об этом убедительно свидетельствует сама практика культурной ассимиляции, наиболее

репрезентативными вариантами которой считаются Франция и США. Так, французская нация консолидируется на основе языка и гражданства, ни в коей мере не являясь монокультурным образованием. Наоборот, даже если исключить из рассмотрения европейский и афроазиатский миграционные компоненты, остается локальная, территориальная специфика: «Бургундия, Нормандия, Шампань или Прованс...»

Иную модель демонстрирует Америка. В США, государстве, образованном за счет иммиграции, в течение долгого времени господствовала доктрина «плавильного котла», в котором полагалось переплавляться этническими особенностям, религиям, языкам прибывающих в страну иностранцев. В идеале они должны были если не трансформироваться, то хотя бы приблизиться в той или иной степени к некоему референтному элементу, так называемому «сто процентному американцу» — белому протестанту англосаксонского происхождения (WASP). Утопичность проекта очевидна. «Плавильный котел» с течением времени все более превращался в «салатную чашу» мультикультурализма (точнее, в лоскутный коврик — пэчворк), получив в конце концов вполне адекватный концепт «нации наций».

Россия тоже является «нацией наций». В отличие от США, наша «цветущая сложность» не явилась продуктом импорта, она возникла естественным путем, складываясь за счет общности исторической судьбы — судьбы народов в местах своего традиционного проживания. Полиэтнический состав населения был характерен для самых ранних стадий существования Древней Руси, продолжившись в отечественной истории объединением русского народа с другими народами в рамках тех или иных государственных форм. Есть и еще одно отличие — наличие цементирующего субстрата в виде русского языка и русской культуры. Тысячелетний опыт совместного существования приучил к близкому соседству, дал навыки адаптации, формируя в ментальности установки на «всемирную отзывчивость», «соборность», «всеединство». Представляется, что Россия обладает в этом плане уникальным опытом культурного диалога, неким алгоритмом, синтезирующим отдельные прогрессивные идеи мультикультурализма и практику ассимиляции. И именно этот опыт, используемый с должной предусмотрительностью, может быть задействован в решении национальных проблем.